

տոր նազըմը, որը Կ. Պոլսի ռազմական ատյանի կողմից 1919 թ. հուլիսի 6-ին կայացված դատավճռով, ի թիվս երիտթուրքական մյուս հանցագործների, հեռակա կարգով դատապարտվել էր մահվան: Այլ եթև ժողովրդական վրիժառուները ի կատար անցրին արդար դատավճիռը Քալաթի, Ջեմալի, Սաիդ Հալիմ-փաշայի, Բեհանգզին Եաթրիի, Տրապիզոնի հայերի դահիճ Ջեմալ-Ազմիր-բեյի նկատմամբ, ապա ղոկտոր նազըմին հաջողվեց խույս տալ դատաստանից և նա 1923 թ. Բեռլինից վերադարձավ Թուրքիա: Այստեղ նա հարեց Մուստաֆա Քեմալին ընդդիմադիր քաղաքական խմբավորմանը և մասնակցություն ունեցավ վերը նշված դավադրությունը՝ կախաղան բարձրանալով Մ. Քեմալի ձեռքով:

Երիտասարդ թուրքերի կուսակցության ու կառավարության ներքին ու արտաքին քաղաքականություն և, մասնավորապես, Թուրքիայի քրիստոնյա ազգաբնակչության նկատմամբ նրանք կիրառած շարդարարական քաղաքականության դատապարտումը Մ. Քեմալի կողմից ուշադրության արժանի է որպես պատմական փաստ: Միա-

ժամանակ այն խիստ այժմեական է, էթև նկատի ունենանք, որ իր իսկ Քեմալի հիմնադրած Թուրքիայի պատմության ընկերությունը (Türk Tarih Kurumu) և ժամանակակից թուրք պատմագրությունը ամբողջությամբ վերցրած, շարժառոթ են կեղծում են պատմական իրականությունը՝ փորձելով թիտել կամ այս կամ այն ձևով արդարացնել: Թուրքահայատակ ժողովուրդների դեմ գործադրված թուրքական ազգայնամոլ քաղաքականությունը, մասնավորապես Հայկական նշեներ:

Պետք է մատնանշել, սակայն, որ Մ. Քեմալի՝ ըստ էության իրականությունը համապատասխանող այս գնահատականը չէր բխում ազգային հարցում նրա սկզբունքային դիրքորոշումից, բանի որ ինքը՝ Մ. Քեմալը ինչպես մինչև նշված հարցադրույցը, այնպես էլ դրանից հետո կիրառում էր ազգայնամոլ քաղաքականությունը ընդհանրապես Թուրքիայի այլազգի ժողովուրդների նկատմամբ:

Ռ. Գ. ՍԱՀԱԿՅԱՆ

#### ОБ ОДНОМ АРХИТЕКТУРНОМ ПАМЯТНИКЕ АРМЯНСКОЙ КОЛОНИИ МОСКВЫ

В немногочисленных публикациях по истории армянской колонии Москвы мы не сможем найти точные сведения о численности армянского населения, месте расселения армян, роде их занятий. Не очень много найдем материалов и о памятниках архитектуры, связанных с историей колонии. Между тем важным ориентиром для воссоздания истории возникновения, развития колонии, изучения демографических и социальных изменений в ней могут служить церковно-приходские книги, куда записывались пофамильно все члены прихода, акты крещения, бракосочетания, смерти. Обычно при церквях создавались школы, приюты, богадельни. В церковных документах фиксировались взносы прихожан, денежные и вещественные дары, рукописи, книги, церковная утварь и т. п. Зачастую именно церковь выступала в роли той инстанции, с которой вела переговоры по общим для всей колонии вопросам светская власть.

Место расположения храмовых сооружений на территории города, количество церквей, их размеры, состояние, внутреннее убранство свидетельствуют подчас о благосостоянии прихожан, об отношении власти

к колонии. Вероятно, будет правильным утверждать, что именно церковных сооружений должно было относительно больше (по сравнению со светскими) сохраниться. Посвяительства на церковь рассматривались как преследование всех прихожан всей общины колонии. Вспомним, что дореволюционное законодательство чаще оперировало понятием вероисповедания, нежели национальности (служебные формуляры и анкеты не знали термина «национальность»).

Покойный академик АН АрмССР Л. С. Хачикян в одной из своих последних публикаций утверждал, что «у армян в Москве была церковь еще с конца XIV в.»<sup>1</sup> Автор делает в связи с этим логически оправданный вывод: «следовательно, организованная армянская колония в Москве существовала гораздо раньше, чем было принято считать»<sup>2</sup>. Как видим, фиксация наличия храма—важный довод для утверждения о существовании постоянной

<sup>1</sup> Լ. Ս. Խ ա շ ի կ յ ա ն. Հ ա լ ի ռ թ հ ի ն Մ ո ս կ վ ա յ յ ու մ և Մ ո ս կ վ ա տ ա ն ո ղ ճ ա ն ա պ ա Ր հ ն եր ի վր ա. — «Բ ա ն եր թր Մ ա տ ն ն ա դ ա Ր ա ն ի», № 13, Երևան, 1980, էջ 106 (русское резюме):

<sup>2</sup> Там же.

колесии, о ее значимости (политической или экономической), об отношении к ней властей и т. д.

В работах об армянской колонии Москвы исследователи чаще пишут об армянских храмских сооружениях города, построен-



Рис. 1

ных в семидесятые годы XVIII и в начале XIX вв. и почти совсем не упоминают церковь, известную еще в первой половине XVIII столетия. Этот архитектурный памятник не воспроизводился ни в рисунках, ни в фотографиях на страницах работ об армянской колонии Москвы. Речь идет об армянской церкви Успения Богородицы, которая признавалась храмовым сооружением еще в текущем столетии и которую, как выяснилось, фотографировали в натуре в двадцатые годы.

Как известно, царь Карл II Вахтанг VI, вынужденный покинуть пределы Грузии, поселился в Москве, где ему и сопровождавшим его лицам (среди них было немало армян) в районе Пресни была предоставлена земля. В 1731 г. Вахтанг выделил земельный участок шириной 16 и длиной 25 сажень<sup>3</sup> (примерно 34 на 53 м, или 1800 м<sup>2</sup>) для сооружения армянской церкви и кладбища при ней. Здесь, на Пресне, и была построена в 1746 г. армянская церковь Успения Пресвятыя Богородицы, а по Большой Грузинской улице—дома армянской церкви (арендная плата с домов шла на церковные нужды).

Это небольшое здание скорее напоминает обычный каменный жилой дом, и только башенка, увенчивавшая сооруже-

<sup>3</sup> Центральный Государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1252, д. 383.

ние, свидетельствовала о его назначении (рис. 1). Что касается внутреннего убранства, то оно выглядело значительно более богато и красиво, о чем говорит сохранившаяся фотография интерьера церкви (рис. 2). Это церковное сооружение на Прес-

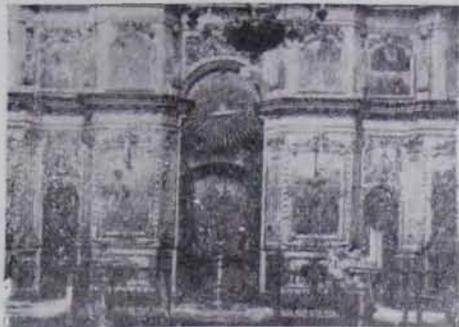


Рис. 2

не—самый древний из архитектурных памятников армянской колонии Москвы, который сохранился хотя бы на фотоснимках.

Неподалеку от армянской церкви в 1760 г. грузинским царевичем Георгием Вахтанговичем была сооружена грузинская церковь Георгия, по названию которой площадь, где был поставлен этот храм, стала называться Георгиевской<sup>4</sup>. История сооружения церковью является еще одним свидетельством исторически сложившихся дружеских отношений русского, грузинского и армянского народов.

На этом же участке, близ армянской церкви размещалось кладбище (рис. 3)<sup>5</sup>. В архивном документе «Сведения об основании Московских Армянских Церквей», датированном серединой прошлого столетия, сохранилось краткое описание армянского кладбища на Пресне. За церковью был погост, засаженный деревьями, обнесенный деревянными глухими заборами: «с передней же стороны сделаны довольно красивые ворота и решетчатый забор»<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> Имена московских улиц. М., 1975, с. 118 и 501.

<sup>5</sup> Все фотоснимки—из Научно-исследовательского музея архитектуры им. Щусева (Москва).

<sup>6</sup> Центральный Государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 880, оп. 5, д. 111, л. 6,6 об.

Пресня была не единственным местом поселения армян в Москве в первой половине XVIII в. Район между Мясницкой (ул. Кирова) и Маросейкой (ул. Богдана Хмельницкого) был той частью города, где армяне селились преимущественно.



Рис. 3

Здесь еще при Петре I было разрешено селиться и приобретать дома иностранцам, и одна из улиц этого района после сооружения на ней армянской Крестовоздвиженской церкви<sup>7</sup> (полное название — во имя Воздвижения честного и животворящего креста Господня) в 1779 г. стала называться Армянской.

Район заселения армян в Москве, разрешение на строительство здесь большой армянской церкви, а позже известного Лазаревского института восточных языков говорили не только о росте численности колонии и росте ее экономического влияния, но в первую очередь о возросшей политической значимости. Движение за присоединение Армении к России, имевшее политические, экономические, исторические, религиозные и культурные предпо-

<sup>7</sup> В различных документах архива Лазаревых и в книге А. Зиновьева «Исторический очерк Лазаревского института восточных языков» (М., 1863, с. 110) пишется, что эта церковь «сооружена иждивением ...Христофора Лазаревича Лазарева». Но фактически все сооружения Лазаревых в Москве (Лазаревский институт, церкви в Армянском переулке и на Ваганьковском кладбище) построены на средства всей семьи Лазаревых, как братьев, так и сестер.

сылки, определяло русско-армянские отношения в XVIII — начале XIX вв.

С сооружением Крестовоздвиженской церкви в Армянском переулке небольшая церковь на Пресне потеряла прежнее значение. Но об этом архитектурном памятнике армянской колонии, сооруженном в первой половине XVIII в., и кладбище при нем упомянуло значительное число московских газет в июне 1912 г., когда католикос Кеворк V посетил «старинную армянскую церковь Успения Пресвятыя Богородицы, что на Георгиевской площади в Грузинах, и древнее кладбище при ней»<sup>8</sup>.

В начале XIX в. Лазаревы — наиболее влиятельная семья в армянских колониях Петербурга и Москвы — сооружают на Ваганьковом поле, где армянам был отведен участок под кладбище, церковь. Сюда, на Ваганьковское кладбище, Лазаревы перенесли прах своих родителей — Лазаря Назаровича и Анны Овагимовны, похороненных ранее на Пресненском армянском кладбище (что касается небольшого армянского кладбища на Пресне, то оно перестало в начале XIX в. быть местом погребений).

Армянское Ваганьковское кладбище в Москве стало со временем своеобразным пантеоном деятелей армянской культуры и науки. Здесь похоронены: учредитель и первый попечитель Лазаревского института восточных языков Овагим (Иоаким) Лазаревич Лазарев и его брат Христофор Лазаревич; просветитель, ученый и редактор журнала «Юсисапанл» Степан Исаявич Назарянц; известные армяне Шикита Осипович Эмиль и его ученик Григорий Абрамович Халатянц; директор Лазаревского института, профессор Георгий Ильич Кананов; публицист и историк Григорий Аветович Джаншиев; поэт Сибат Симонович Шахазиз; мать Вас. Ив. и Вл. Ив. Немировичей-Данченко — Александра Каспаровна; видный советский ученый Иосиф Карпович Кусикьян.

Здесь захоронены также останки участников Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны.

А. П. БАЗИЯНЦ (Москва)

<sup>8</sup> Газета «Раннее утро», 16 июня 1912 г.